

Научная статья

<https://doi.org/10.31862/1819-463X-2026-2-23-34>

УДК 821.161.1

5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

ПОИСКИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ В ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ И. Л. СОЛОНЕВИЧА И Л. Д. РЖЕВСКОГО 1930–1950-Х гг.

Д. В. Поль, А. А. Коновалов

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Цель работы – исследовать творческие искания выдающихся представителей первой и второй волн русской эмиграции, И. Л. Солоневича и Л. Д. Ржевского, на предмет нахождения реального, а не декларативно-книжного пути обретения Родины. Научная новизна исследования обусловлена отсутствием научных работ по типологическому рассмотрению в одном ряду И. Л. Солоневича и Л. Д. Ржевского. В результате установлено, что, несмотря на множество отличий между Солоневичем и Ржевским, в их отношении к Родине и к задачам, стоящим перед эмигрантским сообществом, просматривается много общего: отказ от игнорирования советского опыта; опора на реальные дела, а не декларации; неприятие пафосности в оценках происходящего как в эмигрантской жизни, так и в СССР; активное изучение происходящего в Советском Союзе. Солоневич и Ржевский стремились уйти от крайностей, свойственных русской эмиграции: избежать покаяния и соглашения с советской властью или абсолютного неприятия страны и народа. Можно увидеть и определенную преемственность между ними и А. И. Солженицыным. Сама преемственность обусловлена не личными обстоятельствами, а силой традиции, влиянием корневых свойств русской культуры, что и делает данные поиски особо интересными и актуальными.

Ключевые слова: литературный процесс 1930–1950-х гг., литература Русского зарубежья, творчество Л. Д. Ржевского, традиции русской классики, творчество И. Л. и Б. Л. Солоневичей

Для цитирования: Поль Д. В., Коновалов А. А. Поиски «третьего пути» обретения Родины в прозе и публицистике И. Л. Солоневича и Л. Д. Ржевского 1930–1950-х гг. // Наука и школа. 2026. № 2. С. 23–34. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2026-2-23-34>.

© Поль Д. В., Коновалов А. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

SEARCH FOR A "THIRD WAY" OF FINDING A HOMETLAND IN THE PROSE AND PUBLICISTICS BY I. L. SOLONEVICH AND L. D. RZHEVSKY IN THE 1930s AND 1950s

D. V. Pol, A. A. Konovalov

Moscow Pedagogical State University

Abstract. *The purpose of the work is to explore the creative search of prominent representatives of the first and second waves of Russian emigration, I. L. Solonevich and L. D. Rzhevsky, for finding a real, rather than a declarative–bookish way to find a Homeland. The academic novelty of the study stems from the lack of academic works on typological consideration of I. L. Solonevich and L. D. Rzhevsky in the same line. As a result, it has been established that despite the many differences between Solonevich and Rzhevsky in their attitude to their Motherland and to the tasks facing the emigrant community, there are many similarities: refusal to ignore the Soviet experience; reliance on real actions rather than declarations; rejection of pretentiousness in assessments of what was happening, both in the emigrant life and in the USSR; active study of what was happening in the Soviet Union. Solonevich and Rzhevsky sought to escape from the extremes of Russian emigration: to avoid repentance and compromise with the Soviet government or the absolute rejection of the country and the people. One can also see a certain continuity between them and A. I. Solzhenitsyn. The continuity itself is not determined by personal circumstances, but by the power of tradition, the influence of the core properties of Russian culture, which makes this search particularly interesting and relevant.*

Keywords: *literary process of the 1930s and 1950s, literature of the Russian diaspora, works by L. D. Rzhevsky, traditions of Russian classics, works by I. L. and B. L. Solonevich*

Cite as: Pol D. V., Konovalov A. A. Search for a "Third Way" of Finding a Homeland in the Prose and Publicistics By I. L. Solonevich and L. D. Rzhevsky in the 1930s and 1950s. *Nauka i shkola*. 2026, No. 2, pp. 23–34. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2026-2-23-34>.

В результате Революции и Гражданской войны за пределами страны оказались миллионы русских людей¹, в том числе известные ученые, писатели, мыслители. Первоначально эмигранты полагали, что покинули Россию на короткий срок, и вскоре они обязательно вернуться². Тема возвращения станет одной из важнейших для всего Русского зарубежья³, во многом определившей культурную повестку 1920–1930-х гг. и послевоенного времени⁴.

Признавая безусловную значимость возвращения в Россию, эмигрантское сообщество практически сразу разошлось во взглядах на характер и способ своего возвращения. Если для одних обретение Родины мыслилось через вооружен-

¹ Среди историков нет консенсуса по поводу общего количества эмигрантов в первой волне, отсутствует единство и по датировке Гражданской войны, и даже в отношении количества революций в Российской империи начала XX столетия [1].

² Отсюда и массовый отказ от принятия подданства других государств в начале 1920-х гг.

³ Сохранит свою актуальность и для второй волны. Будет значима, хотя и не в такой степени и для эмигрантов 1970–1980-х гг.

⁴ Это очень хорошо проявилось в отношении к русским классикам и к героям российской истории. За короткое время, 10–15 лет, произошел почти полный отказ от критического их рассмотрения в сторону апологетики, отсюда и размах «пушкинского юбилея» 1937 г. в Русском зарубежье [2–4].

ное вторжение стран Запада со свержением большевистского правительства⁵, то для других – через полное приятие, искренне или номинально, советской власти с коммунистической идеологией⁶. Однако подобная дилемма не могла удовлетворить русскую эмиграцию. С начала 1920-х и вплоть до рубежа 1980–1990-х гг. предпринимались попытки найти иной, «третий путь», соединяющий верность православию и традициям русской культуры с неприятием советской власти и отказом от поддержки любой вооруженной интервенции в СССР. Множество различных вариантов, постоянный пересмотр и корректировка собственных взглядов – все это относится к данному направлению и может из-за широчайшего разброса точек зрения поставить под сомнение его жизнеспособность. Однако именно эта аморфная и противоречивая совокупность суждений, произведений, манифестаций и прочих форм культурной реализации и самоидентификации оказалась самой долгоживущей и одновременно массовой в Русском зарубежье.

Любовь к России, верность Отечеству вопреки внешним обстоятельствам, действительное служение – вот те максимы, которые стали аксиологической основой Русского зарубежья первой волны, для которых эстетика была неотделима от общественной позиции, «поскольку эпоха не позволяла ни писателям, ни критикам оставаться в области “чистого искусства”» [5, с. 5]; эти же ценности повлияли и на вторую волну русских эмигрантов, включавшую тех, кто воевал на фронтах Великой Отечественной войны, но оказался в плену, а затем в силу множества причин так и не смог вернуться в СССР. И именно «третий путь», пытающийся найти «баланс» между верой и традиционными ценностями и служением стране с богоборческой властью, дал очень много любопытных явлений, под которыми можно понимать как определенные события, так и деятельность отдельных представителей Русского зарубежья, вызвавшую широкий резонанс.

Одним из самых ярких представителей «третьего пути» в 1930–1950-х гг. стал И. Л. Солоневич (1891–1953), основатель движения штабс-капитанов, редактор и издатель газет «Голос России», «За нашу страну», автор «России в концлагере», одного из первых произведений на лагерную тему⁷, и множества разноплановых сочинений.

Первое, что сразу же выделяет И. Л. Солоневича из всего эмигрантского общества, – практикоориентированность его суждений, неприятие громоздких стратегий, акцент на множестве малых дел при сохранении верности общему курсу – служению России и русскому народу. Братья Солоневичи, Иван и Борис, также публицист и писатель, во второй половине 1930-х гг. оказались в центре критики, причем не только крайне левых, но и сторонников «Молодой России»⁸.

⁵ Наиболее радикальную точку зрения озвучил В. П. Рябушинский, «обосновавший» в статье «Необходимая война» в эмигрантской газете «Возрождение» (Париж) от 7 июля 1930 г. целесообразность вооруженной интервенции в СССР с последующим возмещением всех «затрат» и получением прибыли за счет российских богатств. Значимость данной заметки очень сильно возросла благодаря перепечатке в «Правде» с соответствующими комментариями. Среди эмигрантов данная точка зрения особой популярностью не пользовалась, однако во время Великой Отечественной войны позиция одного из Рябушинских (большинство из представителей этого очень большого семейства эту точку зрения не разделяло) была популярна среди коллаборационистов, а после окончания Второй мировой войны – среди наиболее ярких апологетов американского миропорядка.

⁶ В этом ряду – реэмигранты 1920-х (А. Н. Толстой), 1930-х (Д. П. Святополк-Мирский, С. Я. Эфрон, М. И. Цветаева и др.) и послевоенных лет (А. П. Ладинский, В. Н. Иванов, А. П. Хейдок и др.).

⁷ Наверное, самое резонансное произведение русских эмигрантов во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. Оно же и в ряду наиболее изученных в наследии И. Л. Солоневича.

⁸ Лидер движения А. Л. Казем-Бек (1902–1977) – участник Белого движения, публицист и политик, после 22.06.1941 г. призывал к активной помощи СССР в борьбе с фашистской Германией, реэмигрант, один из самых известных деятелей Русской Православной Церкви 1950–1970-х гг.

Оставив в стороне публицистическую заостренность взаимных обвинений [6; 7], что подтверждает тезис об аморфности «третьего пути»⁹, стоит отметить близость позиций полемистов в важнейших вопросах: отношение к Родине как к высшей ценности и одновременно отказ от избыточной патетики, готовность к использованию советского опыта и критичный взгляд на дореволюционное прошлое без апологетики порядков Российской империи. Спор Солоневичей, прежде всего старшего – Ивана Лукьяновича, с младороссами шел вокруг тактических вопросов и имел ярко выраженный субъективно-личностный характер, особенно со стороны И. Л. Солоневича¹⁰.

В целом ряде своих брошюр И. Л. Солоневич очень резко высказался об оторванной от реальности деятельности эмигрантов, которая лишь номинально связана с Родиной и с русским народом. «Произносятся миллионы высокопарных и высокопарных фраз, а за этими фразами нет решительно никакого желания шевельнуть хоть пальцем для какого-то реального дела, не связанного с наличием председательского или, по меньшей мере, секретарского поста» [8, с. 7]. Для Солоневича подобные «ораторы» – прямые виновники крушения монархии и Смуты, постигшей Россию. Для Ивана Лукьяновича Катастрофа начинается не с Октября, а с Февраля 1917 г.¹¹, вина за который, по мнению Солоневича (позднее данная позиция будет полностью разделяться И. А. Солженицыным, В. А. Солоухиным и др.) полностью лежит на либеральной интеллигенции. Поэтому свои надежды на возрождение России Солоневич связывает не с эмигрантским сообществом, не со «светилами русской интеллигенции», при изображении которой он в своих сочинениях широко использует сарказм, а с российской (советской) молодежью, лишенной веры и традиций, национального государства, но обладающей «железным упорством» [8, с. 12]. От эмигрантов, возвращающихся после падения режима, потребуется не командовать, а помогать – такой вывод и одновременно призыв содержится в целом ряде сочинений Солоневича¹².

В значительной степени Б. Л. Солоневич, младший брат Ивана Лукьяновича, также разделял его позицию¹³ и в своих романах «Тайна Соловков», «Женщина с винтовкой» и «Заговор красного Бонапарта» он не скрывал восхищения перед стойкостью советской молодежи, сохранившей вопреки беспрецедентному давлению со стороны власти верность Родине и основным традициям русской культуры. «Тайне Соловков: Роману из жизни русской молодежи в СССР» [10], опубликованному в конце 1930-х гг.¹⁴, был предпослан эпиграф – строчка из стихотворения Есенина «Гой ты,

⁹ Впрочем, по количеству сторонников, а также произведений, с ним связанных, этот путь с полным правом может быть обозначен как основной, центральный для русской эмиграции.

¹⁰ Многими современниками отмечался крайне неуживчивый характер И. Л. Солоневича, не склонного к компромиссам и признанию собственной вины.

¹¹ В этом отношении он [9] полностью превосходит А. И. Солженицына, который в «Красном колесе» пришел к сходным выводам. Сложно судить о прямом влиянии И. Л. Солоневича на А. И. Солженицына, который, несомненно, знал о работах Солоневича. Однако замысел романа-эпопеи, судя по всему, сложился у Солженицына до знакомства с трудами Солоневича, что также подтверждает типологическую общность идей разнородных эмигрантских групп.

¹² Младороссы не принимали слишком категоричный тон И. Л. Солоневича, в меньшей степени их раздражала склонность Солоневича-старшего к резким суждениям в отношении героев и важнейших событий российской истории. Наверное, отсюда и неприятие ими позиции Солоневича, которая при ближайшем рассмотрении отнюдь не столь далека от них, как может показаться по статьям младороссов [7].

¹³ Хотя между ними неоднократно возникали споры, и в результате они периодически оказывались политическими противниками.

¹⁴ На болгарском и немецком языках был издан в 1937 г.

Русь, моя родная...». Намеренно искаженный эпиграф¹⁵ способствует правильному, по мнению автора, эмоциональному настрою на восприятие художественного произведения, созданного в традициях приключенческой литературы XIX–XX вв. В романе «Женщина с винтовкой» [11] само предисловие содержит скрытые отсылки (понузданием мужа и сына руководствуется героиня, решившая написать свою историю в назидание молодежи) к житию протопопо Аввакума, отсюда и житийный подтекст произведения и параллели с Расколом. В «Заговоре красного Бонапарта» [12] автор всячески усиливает линию добровольной жертвы¹⁶ своего героя, «красного маршала» М. Н. Тухачевского, фактически отказавшегося от вооруженного мятежа из-за опасений за обороноспособность Родины.

В романе «Две силы» [13]¹⁷ остро современная проблематика, связанная с созданием атомной бомбы, налагается на целый ряд конфликтов, в ряду которых особенно примечательным для Солоневичей становится неприятие активной частью советской молодежи существующих в СССР порядков. Причем линия разлома проходит внутри советского общества, значительная часть которого сохранила приверженность старым ценностям (православие, русская, а не интернациональная культура). Очевидно, что для Солоневичей поиски «третьего пути» сохраняли свою актуальность практически во всех художественных произведениях.

С началом Великой Отечественной войны И. Л. Солоневич¹⁸ оказался в роли поднадзорного в фашистской Германии: фактически в ссылке в немецкой деревне под надзором полиции и без личного участия в политике, при этом его книга «Россия в концлагере» активно использовалась гитлеровским режимом в антисоветской пропаганде¹⁹. Важнейшую причину поражения Гитлера в войне с Советским Союзом Солоневич видел в непонимании фашистским руководством России и русского народа, в то время как советское правительство в годы войны вынуждено было вспомнить о коренных ценностях русского народа: «когда России пришлось плохо <в годы Второй мировой войны>, то даже Сталин ухватился не за Гегеля и Маркса, а за церковь, за Святую Русь и даже за Святого Благоверного Князя Александра Невского. Вот они и вывезли» [15, с. 80].

Послевоенная переписка братьев Солоневичей во многом объясняет категорическое неприятие ими «власовского движения» во время войны. В письме к брату Б. Л. Солоневичу в марте 1948 г. Иван Лукьянович очень резко высказался о «власовской верхушке»: «Власова я лично знаю – знаю и его “головку”. <...> Это были – чекисты на немецкой службе – и только» [16, с. 7]. Для Солоневича-старшего Власов – порождение советского режима, он никак не связан с Родиной. Отсюда и резкое неприятие «власовщины» как явления: «Если те течения, которые символизируются

¹⁵ У Б. Л. Солоневича:

Когда б шепнула Рать Святая:

«Оставь ты мир! Живи в раю!»

Сказал бы я: «Не надо рая –

Верните Родину мою». Сергей Есенин.

¹⁶ Трактовка, основанная исключительно на авторской интуиции и документах, доступных для эмигрантов.

¹⁷ Большая часть романа была написана Солоневичем-старшим, причем работа велась на протяжении длительного времени с очевидной корректировкой сюжета (сама действительность – события Второй мировой войны определяла вносимые изменения). Роман был завершен и опубликован уже после смерти Ивана Лукьяновича. Б. Л. Солоневич завершил сочинение старшего брата, правда, затруднительно понять степень его участия.

¹⁸ Сходные испытания выпали и на долю его младшего брата Б. Л. Солоневича.

¹⁹ Позднее это дало основание для обвинений И. Л. Солоневича в коллаборационизме. Однако «Россия в концлагере» [14] была написана и опубликована за несколько лет до начала Второй мировой войны. После нападения фашистской Германии на СССР Солоневич уклонился от пропагандистской работы по развалу Красной армии, проигнорировал предложения о сотрудничестве со стороны А. А. Власова.

Власовым, возьмут верх, то я в Россию НЕ поеду. Да и тебе <Борису Солоневичу> не посоветую. Нас “власовцы” постараются вырезать, в этом не может быть *никакого сомнения*»²⁰ [16, с. 8].

Взгляды Солоневича-старшего²¹ после его смерти продолжали поддерживать сравнительно небольшой группой эмигрантов, сосредоточенной вокруг газеты «Наша страна», издаваемой в Аргентине (Буэнос-Айрес). Однако целый ряд публицистов и прозаиков первой и второй волн фактически продолжили его искания по обретению «третьего пути» возвращения на Родину. Среди них, и по исключительности биографии, и по творческой одаренности, и по взвешенности суждений, особо стоит отметить Л. Д. Суражевского (Ржевского).

Леонид Денисович Суражевский (псевдоним – Ржевский, именно так он далее будет обозначаться) (1903–1986)²² – потомственный русский дворянин, филолог, кандидат филологических наук, ученик В. В. Виноградова, преподавал в МГПИ, в лейтенантском звании ушел на войну в 1941 г., попал в окружение и в плен, затем сотрудничал с оккупационными властями (переводчик²³, учитель-методист на Смоленщине²⁴) и в результате остался на Западе, где работал преподавателем славистики в европейских и американских университетах²⁵.

Сложно найти что-то общее в биографии И. Л. Солоневича и Л. Д. Ржевского. Монархист Солоневич откровенно недолюбливал аристократию, к которой принадлежал Л. Д. Ржевский²⁶. Ржевскому близка бунинская поэтика, Солоневичу, как минимум, безразличен мир дворянских усадеб²⁷. И тем не менее с первых шагов в эмиграции Ржевского, как когда-то Солоневича-старшего, отличает редкостная взвешенность суждений, внимательное отношение к советскому опыту, признание особой активности и восприимчивости к культуре молодежи в СССР. Очевидно, именно эти черты Ржевского почти сразу, как когда-то и в ситуации с Солоневичем, привлекли к нему, пусть и на короткое время, повышенное внимание эмигрантского сообщества, причем профессорско-преподавательской его части.

В этой связи показателен доклад «Национальная культура и эмиграция», сделанный Л. Д. Ржевским на расширенном совещании издательства «Посев»

²⁰ Курсив дан согласно тому, как письмо было процитировано Ворониным.

²¹ С конца 1950-х гг. затихает и активная деятельность Солоневича-младшего, Бориса Лукьяновича, который будет сотрудничать с целым рядом изданий, издавать до конца 1970-х гг. журнал «Родина», но окажется уже на периферии культурной жизни Русского зарубежья.

²² В медиапространстве иногда фигурирует другая дата рождения – 1905 г., правильно – 1903 г.

²³ В какой степени профессиональную деятельность переводчика, врача, учителя при оккупационном режиме можно считать свидетельством коллаборационизма – проблема не только для русской, но и для мировой культуры. О неоднозначности вопроса свидетельствуют и история бывшего руководителя коммунистической партии Белоруссии П. М. Машерова, и повесть «Обелиск» В. В. Быкова, и мини-сериал «Переводчик» А. А. Прошкина (2014), а во французской культуре – фильм «Старое ружье» (1975). И подобных примеров великое множество.

²⁴ Л. Д. Ржевский не разделял коммунистическую идеологию, не испытывал каких-либо симпатий к советской системе. Однако нет никаких свидетельств его приверженности национал-социализму, как и доказательств его поддержки оккупантов. Судя по всему, так как нет сведений о каких-то иных отношениях Ржевского и нацистов, «сотрудничество» Ржевского исчерпывалось методической помощью учителям на Смоленщине, переводческой деятельностью и, возможно, участием в редактировании текстов в периодических изданиях.

²⁵ Среди западных писателей, критиков и литературоведов Л. Д. Ржевский отличался не только очень хорошим знанием советских реалий, но и тонким пониманием литературного процесса в СССР.

²⁶ Разумеется, надо учитывать, что после 1917 г. аристократическое происхождение если и не скрывалось, то и не афишировалось. Однако по дворянско-усадебно-гимназическому воспитанию Ржевский принадлежал русскому дворянству.

²⁷ Этот мир чужд, непонятен Солоневичу, как, впрочем, и петровские преобразования, благодаря которым он, по мнению Солоневича, и появился [15].

в сентябре 1951 г. в г. Лимбург (Федеративная Республика Германия). В нем критик, литературовед и на тот момент только еще начинающий прозаик подчеркнул необходимость внимательного изучения того, что происходит в Советском Союзе, а также отказа от снобистского отношения к советской литературе. Л. Д. Ржевский обратил особое внимание на взаимоотношения между литературами диаспоры и метрополии (СССР). Важнейшую задачу для эмигрантского сообщества автор доклада видел в том, что «надо теперь *преодолевать равнодушие и незнание родины*»²⁸ [17, с. 10]. В обсуждении доклада принимали участие не только профессора, исследователи, критики из Западной Германии, но и из Дании, Бельгии и Великобритании (Кембридж), а сам доклад был напечатан и вышел отдельным изданием. В развернувшейся по докладу Л. Д. Ржевского дискуссии прозвучали разные суждения, но что примечательно – консенсусом для всех прозвучал призыв Ржевского видеть родину в настоящем через «*тему правды*». Размышления Ржевского, находившегося на огромном отдалении от страны, оказываются вполне созвучны тем словам, которые прозвучат через три года из уст многих советских писателей во время Второго съезда Союза писателей СССР²⁹.

В своих основных чертах выступление Л. Д. Ржевского в сентябре 1951 г. напоминает линию, проводимую во второй половине 1930-х гг. И. Л. Солоневичем³⁰, провозгласившим опору на конкретные дела и отказ от пренебрежительного отношения к советским людям. В докладе неоднократно прозвучит и очень важный для Ржевского тезис о необходимости активной борьбы за русскую культуру, обращенный прежде всего к эмигрантским авторам и изданиям: «представительствовать нашу культуру за рубежом – значит понимать, что ее существом является борьба, борьба *национального с антinationальным*» [17, с. 23].

Вне всякого сомнения, Ржевский знал о Солоневичах, о которых тем не менее ни разу в своей речи не упоминает, что, вероятно, объяснялось нежеланием ненужных ассоциаций у аудитории, в целом негативно настроенной по отношению к Солоневичам³¹. Возможно, это также было связано с каким-то личными мотивами Л. Д. Ржевского. Важно то, что эта линия оказалась востребованной в Русском зарубежье, которое с вниманием отнеслось к происходящему в СССР. И, словно подтверждая тезис Ржевского, советская литература обнаруживает множество сходств с эмигрантской³². В докладе 1951 г. Ржевский особо остановится на советской молодежи (отметим, что речь идет о молодежи сталинской

²⁸ Здесь и далее курсив авторов.

²⁹ В дискуссиях будет утверждаться внимание к настоящему, которое неотделимо от правды. «Родина – правда – литература» – в этой триаде общая нравственная максима для русских, советских и эмигрантских, литераторов 1950–1960-х гг. Никем, никогда и никак не согласованное данное понимание Отчизны и долга русского писателя объединит русских людей вопреки политическим, идеологическим и прочим факторам.

³⁰ Данную политику проводили единомышленники И. Л. Солоневича, в том числе и его родной брат Б. Л. Солоневич. Кроме политических мероприятий (движение штабс-капитанов, газеты «Голос России», «Наша страна»), братья Солоневичи утверждали свою точку зрения через художественную литературу [10–14].

³¹ Конечно, это предположение, основанное, однако, на многочисленных свидетельствах напряженных отношений Солоневича, прежде всего старшего, с профессорско-издательской частью российской эмиграции.

³² Это и в особом отношении к правдоискательству, и в изображении молодежи с активной позицией, и в отношении к Родине как абсолютной ценности при отсутствии пафосности и декламаций. То, что тема Родины оказалась важнейшей константой для русских писателей с середины 1950-х гг. до середины 1960-х гг., хорошо заметно при сопоставлении произведений советских и эмигрантских авторов времен Оттепели. И это несмотря на огромные отличия между авторами, что подтверждает действенность традиций русской классической литературы.

эпохи, а не времен Оттепели), которая выигрышно отличается от западной своей «живой любознательностью». «Здесь в Германии <Западная Германия второй половины 1940-х – начала 1950-х гг.>, в пределах тех наблюдений, которые я успел сделать, я такой <имеются в виду авторские наблюдения за советскими студентами предвоенного времени> жадности *знать* – причем бескорыстной, некоммерческой жадности – не встречал» [17, с. 13].

В своем последующем творчестве Л. Д. Ржевский пытался следовать этическому и эстетическому критериям в рассмотрении произведений русских авторов (эмигрантов, советских писателей, диссидентов). Одним из первых в статье «О творчестве Беллы Ахмадуллиной» он проследил преемственную связь между поэзией М. И. Цветаевой и Б. А. Ахмадуллиной [18]. И всегда, что бы ни писали последующие интерпретаторы русской литературы XX в. о непреодолимых различиях «советских» и «несоветских» авторов [19], Ржевский стремился увидеть то, что объединяет русскую литературу, нисколько не ретушируя противоречий. Поэтому Федин, Шолохов и даже Павленко у него «соседствуют» с Евтушенко и Ахмадуллиной, Пастернаком и Солженицыным.

В прозе Л. Д. Ржевского 1950–1960-х гг. при всем критическом отношении автора к коммунистической идеологии и советской действительности очень хорошо заметны любовь к стране и неподдельный интерес к тому, что в ней происходит, вечные вопросы неотделимы от сиюминутных, и наоборот. Так, в «оптимистической повести»³³ «Показавшему нам свет» [20] писатель ставит перед читателем ряд важнейших вопросов [21], среди которых подспудно зазвучит и тема Родины, которая не только во множестве предметных зарисовок быта из недавнего прошлого, но и во внутреннем самоощущении: для А. Вятича в памяти о «*нашем Эрмитаже*», а для его бывшего ординарца Селезнёва, болеющего иррациональной тоской по родной деревне [20, с. 58], главное – оказаться дома.

Автобиографическая основа большинства произведений Л. Д. Ржевского – это и примета времени (в этом отношении очень много общего у Ржевского советскими прозаиками Оттепели³⁴), это и принципиальная опора на хорошо известное ему основание (и здесь также глубинное сходство и с И. Л. Солоневичем, и с И. А. Солженицыным³⁵). При всем этом Л. Д. Ржевский в ситуации столкновения «лирика» и «прагматика-политика» авторские симпатии на стороне «лирика», ко-ему мила правда сердца, а не рассудка. Так, в повести «Клим и Панночка» (1977) повествователь на стороне Марыси, хотя она и говорит ему, что он «лю-тый враг», так как его (советские) «волчьи полчища» вонзили нож в спину его стране [24, с. 241–242]. В понимании этого эпизода важно учесть, что повествова-телю, преподавателю из Москвы, мобилизованному для Западного похода Крас-ной армии 1939 г., вспоминается образ красавицы-польки из Мицкевича и вольно-го перевода Пушкина («Будрыс и его сыновья»). Лирик-повествователь на стороне Польши, и это несмотря на то, что применительно к политике довоенной Польши очень часто использовали звериные эпитеты (Ржевский об этом, несомненно, знает, но в данном случае позволяет своему герою подпасть под обаяние поэти-ческой традиции). И. Л. Солоневич и А. И. Солженицын не склонны к подобным «очарованиям». В сентябре 1938 г. Солоневич скептически оценивал политику

³³ Это авторский подзаголовок, сразу дающий несколько интертекстуальных отсылок. Повесть во многом автобиографична: налицо множество прямых соотношений между героем А. Вятичем и писателем.

³⁴ Проблема типологического родства персонажей повестей Балтера и Ржевского была рассмотрена в статье [22].

³⁵ Творчеству А. И. Солженицына посвящен целый ряд научных работ Ржевского [23].

Польши, называя ее «безумной», так как действия шляхты и ксендзов создали все предпосылки для восстания белорусских и украинских крестьян: «Польша с самого высокого дерева плюет на права национальных меньшинств, в особенности русского, закрепленные целым рядом договоров» [25, с. 10]. В «Красном колесе» Солженицын, признавая определенную правоту поляков, не склонен, однако, отказываться от «русской правды»: возникает трагическое противоречие, но не слепое соглашательство, как в случае с героем Ржевского.

Ржевский один из первых послевоенных критиков и писателей, кто полностью разделял тезис Солоневича-старшего (впрочем, на эту тему высказывались многие русские эмигранты, И. Л. Солоневич был среди них, наверное, самым последовательным) о правящем слое в СССР. В 1956 г., уже после смерти самого автора, в Буэнос-Айресе в издательстве «Наша страна» была опубликована работа И. Л. Солоневича «Диктатура слоя» (написана в Западной Германии в 1946 г.) и выводы, к которым приходит Солоневич, близки тому, что утверждал и Л. Д. Ржевский, характеризуя советский строй, где реальная власть принадлежала партийной номенклатуре, «касте привилегированных» [17, с. 16], а не безымянным трудящимся.

Типологическая близость Ржевского и Солоневича, столь разных по происхождению, образованию, воспитанию и по самой судьбе в эмиграции, неслучайна. Так называемый «третий путь» имел важнейшее основание – любовь к Родине и понимание высокой ответственности писателя. И это не «политическое задание» по сближению разных авторов ради «благой цели» – объединить всю русскую литературу [19, с. 366]. Особую миссию русского писателя отмечал и такой взыскательный критик советской действительности, как И. Берлин [26, с. 25–26]. Причем свой вывод он делал на анализе произведений не только дореволюционной литературы, но и своих наблюдений за советской словесностью. И то, что абсолютно разные по своим взглядам русские авторы (братья Солоневичи, Ржевский и многие другие) оказывались едины в своей любви к Родине и неприятии вооруженного пути по свержению советского строя), свидетельствует о цельности русской традиции, где нравственное и эстетическое составляли единое нерасторжимое целое, а смысл литературного творчества виделся не столько в личном успехе, сколько в правдоискательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Критический словарь Русской революции 1914–1921 / сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с.
2. Маркович В. М. «Новое» и «старое» в суждениях русской зарубежной критики о Пушкине (1937 г.) // Пушкин и культура русского зарубежья: междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения / сост. М. А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 9–32.
3. Пушкин и культура русского зарубежья: междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения / сост. М. А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 408 с.
4. Речи о Пушкине. 1880–1960-е годы / сост., подгот. текстов и коммент. В. С. Непомнящего, М. Д. Филина; послесл. В. Непомнящего. М.: Текст, 1999. 390 с.
5. Николаев Д. Д. От Блока до Шмелева: русские писатели в зеркале критики и публицистики эмиграции: моногр. М.: МАКС Пресс, 2024. 340 с.
6. Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам!: сб. ст. СПб.: РусИнформ, 2003. 192 с.
7. Чернавин Б. И. В союзе с Троцким: правда о братьях Солоневичах. [2-е изд.]. Прага: Отдел пропаганды Младоросской партии в ЧСР, 1937. 16 с.³⁶

³⁶ В оригинале использована дореволюционная орфография.

8. *Солоневич И. Л.* Четыре года. Берлин³⁷, 1938. 15 с.
9. *Солоневич И. Л.* Тяжелая правда о феврале 1917 года. Революция, которой не было. М.: Алгоритм, 2017. 304 с.
10. *Солоневич Б. Л.* Тайна Соловков: Роман из жизни русской молодежи в СССР. Берлин: Русское национальное издание, издана в Брюсселе в 1941 году. 2-е издание. 249 с.
11. *Солоневич Б. Л.* Заговор красного Бонапарта. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1958. 324 с.
12. *Солоневич Б. Л.* Женщина с винтовкой: Исторический роман. Буэнос-Айрес, 1955. 168 с.
13. *Солоневич И. Л.* Две силы. Борьба за ядерное владычество над миром: Роман из советской действительности. М.: Москва, 2002. 656 с. (Наследие Русского Зарубежья).
14. *Солоневич И. Л.* Россия в концлагере. 2-е изд. М.: Отчий дом, 2010. 847 с.
15. *Солоневич И. Л.* Петр Первый // Солоневич И. Л. Народная монархия: Часть пятая. Буэнос-Айрес, 1954. 96 с. (Б-ка «Наша страна»).
16. *Воронин И. П.* Эпистолярное наследие Ивана Солоневича // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: материалы XVIII науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 22 ноября 2020 г. СПб.: Российский Имперский Союз-Орден: Редакция газеты «Монархист», 2021. С. 3–14.
17. *Ржевский Л. Д.* Национальная культура и эмиграция: Доклад, прочитанный на расширенном заседании «Посева» 7–12 сентября 1951 г. в г. Лимбурге (Германия). Франкфурт-на-Майне: Посев, 1952. 48 с.
18. *Ржевский Л. Д.* О творчестве Беллы Ахмадулиной // Ржевский Л. Д. Прочтение творческого слова. Литературоведческие проблемы и анализы. Нью-Йорк: New York University Press, 1970. С. 253–275.
19. *Добренко Е. А.* Аннушка уже пролила масло... (Рец. на кн.: Голубков М. М. История русской литературной критики XX века: учебник для бакалавриата и магистратуры // Новое лит. обозрение. 2019. № 158. № 4. С. 357–370.
20. *Ржевский Л. Д.* Показавшему нам свет (оптимистическая повесть). Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. 140 с.
21. *Агеносов В. В.* «Показавшему нам свет...»: Леонид Ржевский (Суражевский) // Вестник РАЕН. 2015. Т. 15, № 4. С. 104–110.
22. *Коновалов А. А.* Герой предвоенного поколения в прозе Л. Д. Ржевского («Двое на камне») и Б. И. Балтера («До свидания, мальчики!») // Наука и школа. 2025. № 2. С. 18–23.
23. *Ржевский Л. Д.* Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972. 168 с.
24. *Ржевский Л. Д.* Клим и Панночка // Ржевский Л. Д. Звездопад: Московские повести. Ann Arbor (Michigan, USA): Эрмитаж, 1984. С. 207–248.
25. *Солоневич И. Л.* Россия и гитлеризм. Берлин (?), 1938. 15 с.
26. *Берлин И.* История свободы. Россия / предисл. А. Эткінда. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 544 с.
27. *Ржевский Л. Д.* Двое на камне // Ржевский Л. Д. Двое на камне: Повести. Мюнхен: Т-во Зарубежных Писателей, 1960. С. 5–54.
28. *Солоневич И. Л.* Диктатура слоя. М.: Отчий дом, 2009. 272 с.
29. *Солоневич И. Л.* Миф о Николае Втором // Солоневич И. Л. Тяжелая правда о феврале 1917 года. Революция, которой не было. М.: Алгоритм, 2017. С. 371–301.

³⁷ Место издания восстанавливается по общему контексту.

REFERENCES

1. Akton E., Rozenberg U. G., Chernyaev V. (comps.) *Kriticheskiy slovar Russkoy revolyutsii 1914–1921*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 768 p.
2. Markovich V. M. “Novoe” i “staroe” v suzhdeniyakh russkoy zarubezhnoy kritiki o Pushkine (1937 g.). In: *Pushkin i kultura russkogo zarubezhya. Proceedings of International scientific conference, dedicated to the 200th anniversary of his birth*. Ed. by M. A. Vasilyeva. Moscow: Russkiy put, 2000. Pp. 9–32.
3. *Pushkin i kultura russkogo zarubezhya. Proceedings of International scientific conference, dedicated to the 200th anniversary of his birth*. Ed. by M. A. Vasilyeva. Moscow: Russkiy put, 2000. 408 p.
4. *Rech'i o Pushkine. 1880–1960-e gody*. Ed. by V. S. Nepomnyashchy, M. D. Filin. Moscow: Tekst, 1999. 390 p.
5. Nikolaev D. D. *Ot Bloka do Shmeleva: russkie pisateli v zerkale kritiki i publitsistiki emigratsii: monogr.* Moscow: MAKS Press, 2024. 340 p.
6. Solonevich I. L. *Vsya vlast – russkim mozgam!* St. Petersburg: RusInform, 2003. 192 p.
7. Chernavin B. I. *V soyuze s Trotskim: pravda o bratyakh Solonevichakh*. Praga: Otdel propagandy Mladorosskoy partii v CHSR, 1937. 16 p.
8. Solonevich I. L. *Chetyre goda*. Berlin, 1938. 15 p.
9. Solonevich I. L. *Tyazhelaya pravda o fevrale 1917 goda. Revolyutsiya, kotoroy ne bylo*. Moscow: Algoritm, 2017. 304 p.
10. Solonevich B. L. *Tayna Solovkov: Roman iz zhizni russkoy molodezhi v SSSR*. Brussel, 1941. 249 p.
11. Solonevich B. L. *Zagovor krasnogo Bonaparta*. Buenos Aires: Seyatel, 1958. 324 p.
12. Solonevich B. L. *Zhenshchina s vintovkoy: Istoricheskiy roman*. Buenos Aires, 1955. 168 p.
13. Solonevich I. L. *Dve sily. Borba za yadernoe vladychestvo nad mirom: Roman iz sovetsskoy deystvitelnosti*. Moscow: Moskva, 2002. 656 p. (Nasledie Russkogo Zarubezhya).
14. Solonevich I. L. *Rossiya v kontslagere*. Moscow: Otchiy dom, 2010. 847 p.
15. Solonevich I. L. Petr Pervyy. In: Solonevich I. L. *Narodnaya monarkhiya: Chast pyataya*. Buenos Aires, 1954. 96 p. (B-ka “Nasha strana”).
16. Voronin I. P. Epistol'arnoe nasledie Ivana Solonevicha. In: Ivan Solonevich – ideolog Narodnoy Monarkhii. *Proceedings of the XVIII scientific-practical conference. St-Petersburg, 22 noyabrya 2020*. St. Petersburg: Rossiyskiy Imperskiy Soyuz-Orden: Redaktsiya gazety “Monarkhist”, 2021. Pp. 3–14.
17. Rzhhevskiy L. D. Natsionalnaya kultura i emigratsiya: Doklad, pročitanny na rasshirennom zasedanii “Poseva” 7–12 Sept. 1951. v g. Limburg (Germaniya). Frankfurt am Main: Posev, 1952. 48 p.
18. Rzhhevskiy L. D. O tvorchestve Belly Akhmadullinoy. In: Rzhhevskiy L. D. *Prochtenye tvorcheskogo slova. Literaturovedcheskie problemy i analizy*. New-York: New York University Press, 1970. Pp. 253–275.
19. Dobrenko E. A. Annushka uzhe prolila maslo... (Ret's. na kn.: Golubkov M. M. Istoriya russkoy literaturnoy kritiki XX veka: uchebnyk dlya bakalavriata i magistratury. *Novoe lit. obozrenie*. 2019, No. 158, No. 4, pp. 357–370.
20. Rzhhevskiy L. D. *Pokazavshemu nam svet (optimisticheskaya povest)*. Frankfurt am Main: Posev, 1960. 140 p.
21. Agenosov V. V. “Pokazavshemu nam svet...”: Leonid Rzhhevskiy (Surazhevskiy). *Vestnik RAEN*. 2015, Vol. 15, No. 4, pp. 104–110.
22. Konovalov A. A. Geroy predvoennogo pokoleniya v proze L. D. Rzhhevskogo (“Dvoe na kamne”) i B. I. Baltera (“Do svidaniya, malchiki!”). *Nauka i shkola*. 2025, No. 2, pp. 18–23.

23. Rzhavskiy L. D. *Tvorets i podvig: Ocherki po tvorchestvu Aleksandra Solzhenitsyna*. Frankfurt am Main: Posev, 1972. 168 p.
24. Rzhavskiy L. D. Klim i Pannochka. In: Rzhavskiy L. D. *Zvezdopad: Moskovskie povesti*. Ann Arbor (Michigan, USA): Ermitazh, 1984. Pp. 207–248.
25. Solonevich I. L. *Rossiya i gitlerizm*. Berlin (?), 1938. 15 p.
26. Berlin I. *Istoriya svobody. Rossiya*. Foreword by A. Etkind. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2014. 544 p.
27. Rzhavskiy L. D. Dvoe na kamne. In: Rzhavskiy L. D. *Dvoe na kamne: Povesti*. München: T-vo Zarubezhnykh Pisateley, 1960. Pp. 5–54.
28. Solonevich I. L. *Diktatura sloya*. Moscow: Otchiy dom, 2009. 272 p.
29. Solonevich I. L. Mif o Nikolae Vtorom. In: Solonevich I. L. *Tyazhelaya pravda o fevrale 1917 goda. Revolyutsiya, kotoroy ne bylo*. Moscow: Algoritm, 2017. Pp. 371–301.

Поль Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Pol Dmitry V., ScD in Philology; Professor, Russian literature of the XX–XXI centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: dv.pol@mpgu.su

Коновалов Андрей Александрович, кандидат филологических наук; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Kononov Andrey A., PhD in Philology; Russian literature of the XX–XXI centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: aa.kononov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 20.01.2026; accepted for publication 12.03.2026